

Гюстав Массе

МИЛОЕ ОБЩЕСТВО

ПАРИЖСКИЕ НРАВЫ КОНЦА XIX ВЕКА

Гюстав Масе

Милое общество

<https://litres.ru/74652318>

SelfPub; 2026

Аннотация

Париж конца XIX века живёт двойной жизнью. За блеском бульваров, витрин и светских салонов скрывается мир карманников, шулеров, мошенников, сутенёров и профессиональных воров. Гюстав Масе, бывший начальник парижской сыскной полиции, приглашает читателя в путешествие по этому невидимому городу. Вместе с префектом полиции он заглядывает в трактиры, ночлежки, публичные дома, универсальные магазины и тайные убежища преступников. Перед нами проходят виртуозные взломщики сейфов, ловкие аферисты, хлороформисты и жители бедных кварталов столицы. Но «Милое общество» — не только собрание уголовных историй. Это беспощадный и ироничный взгляд на нравы эпохи, устройство полиции, социальное неравенство и человеческие пороки. Свидетельства очевидца оживляют Париж, которого не найти на парадных открытках. Оригинальное произведение является объектом общественного достояния.

Гюстав Массе

Милое общество

ПАРИЖСКАЯ ПОЛИЦИЯ

МИЛОЕ ОБЩЕСТВО

Г. МАССЕ

БЫВШИЙ НАЧАЛЬНИК СЫСКНОЙ СЛУЖБЫ

Видеть, чтобы знать.

СЕДЬМАЯ ТЫСЯЧА

ПАРИЖ

Ж. ШАРПАНТЬЕ И К°, ИЗДАТЕЛИ

Улица Гренель, 11

1887

Права на перевод и воспроизведение сохраняются.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Утро префекта полиции 3

II. В сыскной полиции 36

III. Птичка-мушка и Портос 46

IV. Кабачки 58

V. Карманники и карманницы 101

VI. Крепкие сейфы, слабые сейфы 159

VII. Кражи, называемые «американскими» 170

VIII. Кражи, называемые «верните мне» 180

IX. Хлороформисты 186

X. Кудри и локончики 203

XI. Торговая богема 221

XII. Преступники 226

XIII. Чёрная шайка 235

XIV. В полицейском участке 242

XV. Порок и разврат 253

XVI. На Центральных рынках 266

Эта книга ничему не научит преступников; они лучше полиции осведомлены о том, что говорится и делается. Разве для совершенствования у них нет судов присяжных, где необходимость просветить присяжных нередко вынуждает председателей суда, адвокатов и экспертов со всем искусством излагать способы, применяемые преступниками? Но профессиональный опыт автора, быть может, послужит честным людям, отцам семейств, которые станут внимательнее следить за своими детьми и за средой, в которой вращается молодёжь.

Читая описания некоторых натуралистических картин, скорее смягчённых, нежели сгущённых, следует видеть в них лишь стремление к нравственным преобразованиям.

Шампиньи, ноябрь 1886 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Утро префекта полиции

Под номером 7 на бульваре Пале находится один из входов в казарму Сите.

На вид эта дверь не является главным входом в здание,

однако именно она — самая важная.

Как известно, не имея постоянного пристанища, Префектура полиции избрала местом своего пребывания... временного, но вечно временного, упомянутую казарму.

Её вход со стороны бульвара Пале, почти неотличимый от дверей соседних домов, ведёт в резиденцию префекта полиции и в служебные помещения его кабинета.

Кабинет этот, доступ к которому следовало бы облегчить всем имеющим к нему дело, разместили на такой высоте, до которой не дотягиваются многие мансарды старого Парижа.

От первого этажа их отделяют антресоль и два этажа — в общей сложности семьдесят девять ступеней довольно широкой лестницы.

Вестибюль украшает большое зеркало, позволяющее посетителям оглядеть себя с головы до ног и рассмотреть подробности своего туалета, зачастую более безупречного, чем их совесть.

В тот день, когда мы вводим читателя в это здание, здесь царит оживление, и не без причины.

Один префект, переставший нравиться, уходит, а его более счастливый преемник вступает в должность.

Один съезжает, другой въезжает — и всё это происходит одновременно.

Во дворе казармы-резиденции, именуемом Часовым двором, стоят два крытых фургона.

Оба кучера толкуют о погоде, пока чернорабочие сну-

ют туда-сюда, нагружают один фургон и разгружают другой: груз в обоих случаях так невелик, что всё вместе легко поместилось бы на ручной тележке.

При парламентском строе, даже пользуясь доверием главы государства, удержаться на своём месте можно лишь чудом равновесия; министерства, префектуры и супрефектуры превратились в казённые постоянные дворы — так часто сменяются в них постояльцы.

С префектами дело обстоит так же, как с министрами: приход сопровождается плохо скрываемой радостью и желанием превзойти предшественника.

Уход — тревогой за будущее и сожалением о собственном бессилии.

Как известно, префектам полиции предоставляют мебель, отопление, освещение, бельё, посуду и всё необходимое для домашнего хозяйства. Мера весьма практичная, если принять во внимание непрочность их положения.

В казарме-резиденции личные апартаменты расположены на втором этаже; в тот день они были переполнены рабочими, которыми руководил надзиратель в чине бригадира.

Ковры чистили щётками, стёкла мыли, занавеси вытряхивали. Метёлки для пыли, веники и тряпки творили чудеса.

— Не отправить ли кухонную посуду к лудильщику? — спросил бригадир-надзиратель у служащего хозяйственной части, которому поручили руководить общей уборкой.

— Незачем; достаточно будет хорошенько её вычистить;

полуда кастрюль оказалась долговечнее префекта: быть может, она переживёт и того, который прибывает ему на смену.

— А постельные принадлежности? — продолжил бригадир.

— Этим займусь я.

Пока в большом салоне, расположенном прямо под кабинетом префекта, происходил этот разговор, в самом кабинете трудились двое мужчин.

Это были новый префект и его племянник, исполнявший обязанности личного секретаря.

С похвальным усердием оба внимательно изучали множество механизмов этого великого и полезного полицейского учреждения, которому ежедневно грозят опасности, которое постоянно подвергается нападкам и тем не менее по-прежнему стоит на страже умного и трудолюбивого населения Парижа, служа ему защитой и в благополучные, и в тяжёлые дни.

По заведённому обычаю торжественный приём состоялся в виде шествия всего высшего полицейского начальства.

В обращении к начальникам различных служб префект в общих чертах изложил свои взгляды и планы относительно исполнения трудных обязанностей, только что на него возложенных; затем он отпустил всех со словами, давно ставшими шаблонными, ни на что не влияющими и столь же лживыми, сколь и правительственными:

«Рассчитывайте на меня, как я рассчитываю на вас. Я

возьму на себя ответственность за всех служащих моего ведомства».

Звучит это хорошо и производит впечатление; но на простом языке подлинный смысл сказанного таков:

«Ни на что решительно не рассчитывайте».

При вступлении в должность его предшественник передал ему сведения о состоянии бюджета секретных фондов и его личное досье, хранившееся в архиве кабинета под номером...

Некоторые из донесений, содержащихся в этом досье, были снабжены пометками красным карандашом — верным признаком того, что прежде этого человека считали опасным и рекомендовали особенно тщательно за ним наблюдать.

В административном ведомстве цвет карандашей играет весьма важную роль.

Исход дел, равно как и судьба служащих, зависит от красных или синих скобок, проставленных в досье.

Редко кто становится во главе Префектуры полиции, не имея там уже своего досье, хотя само по себе это, разумеется, вовсе не обязательно. Судебный магистрат, зарекомендовавший себя на ином поприще, нежели политика, был бы лучшим префектом полиции; в глазах подчинённых он обладал бы гораздо большим авторитетом и более высоким нравственным достоинством.

Правда, префект, выбранный из среды судебных магистратов, и, само собой, магистрат выдающийся, оказался бы,

пожалуй, недостаточно послушным орудием в руках министра.

Положение префекта полиции, некогда предмет всеобщей зависти, ныне уже почти никого не прельщает. Те, кто ещё добивается этого места с возгласом: «Полиция будет моей!», плохо знают её, а если имеют о ней кое-какое представление, то главная их цель — разузнать побольше о «милых товарищах».

Тот, кому известны слабости людей, способных в зависимости от обстоятельств причинить вред или оказаться полезными, обладает большой силой.

Как бы ни ненавидели бывшего префекта полиции, к нему всегда будут относиться с большим почтением: ведь он мог узнать столько всего!

Это не мешает тому, что, исполняя свои обязанности, этот парижский сановник, редко бывающий уроженцем Парижа, с одинаковым трудом добивается и страха, и любви. Принцип власти более не существует; он исчез вместе с уважением к тому, что достойно и должно быть достойно уважения.

Такое положение вещей, печальные последствия которого уже весьма ощутимы, свидетельствует о начале нравственного разложения общества — разложения, медленно, но неуклонно происходящего в наших учреждениях, которыми некогда восхищалась вся Европа.

Было десять часов утра.

Приоткрыв дверь кабинета префекта, дежурный приврат-

ник объявил:

— Господин генеральный секретарь.

Это был друг префекта.

После сердечного рукопожатия между двумя высшими руководителями парижской полиции завязался разговор.

— Как продвигается ваша чистка? — спросил префект.

— Я всё ещё над ней работаю и поражён добротными качествами, отличающими старых служащих. Я смог предложить вам только около десятка увольнений на пенсию.

— И это уже много, мой друг, любовь к реформам не должна доводить нас до того, чтобы мы расставались со служащими, которые исполняют свой долг.

Служащие таковы, какими их делает центральное управление, и, чтобы добиться от них преданности делу, не следует угрожать им увольнением. Здесь есть особые агенты, прошедшие через самые низшие чины; благодаря мужеству, терпению и профессиональному мастерству они достигли высокого положения; и сегодня они приносят значительную пользу. Они имеют право на уверенность в завтрашнем дне, которая помогает всякому служащему исполнять свою работу.

Так будем же проводить чистку... мягко, постепенно и без раболепия: не станем жертвовать всем ради того, чтобы удержаться на своих местах.

— Я разделяю ваши чувства; более того, должен признаться, что меня тревожат ваши новые сотрудники, которым предстоит заменить прежних. Сумеют ли они соответ-

ствовать требованиям нынешнего времени? У меня есть основания сомневаться, если судить по характеристикам, с которыми мне довелось ознакомиться.

Претендентов много, все они спешат занять места и, главное, имеют рекомендации, но я полагаю, что, особенно для оперативных служб, они далеко не отвечают сложности условий, в которых им придётся действовать. Есть качества, которые нельзя приобрести в одночасье.

— Что ж, на том и остановимся. Не следует лишать управление его лучших сил; не поддадимся влиянию извне и подождем, пока сами не сможем судить о служащих, тем более что требуемая чистка нужна лишь для удовлетворения частных интересов, нередко весьма сомнительных. Я отказываюсь устраивать массовое увольнение чиновников.

— Я вполне с вами согласен.

Дверь открылась, и привратник объявил о прибытии двух начальников отделений, генерального контролёра и начальника муниципальной полиции.

— Настало время докладов, — сказал префект. Мы продолжим нашу беседу вечером. Я пока ещё холостяк, и, если вы свободны, мы поужинаем вместе, а затем отправимся на бульвары с инспекционным обходом.

— Договорились.

Префект позвонил и велел пригласить объявленных начальников служб.

В этом строгом, торжественном, холодном помещении,

безмолвном свидетеле стольких важных откровений, собралось высшее руководство Префектуры полиции.

Начальник второго отделения представил на подпись префекту документ, касавшийся движения наёмных экипажей, и сообщил о нескольких докладах относительно опасных или вредных для здоровья заведений. Удаляясь, он заверил, что приложит самые тщательные усилия к розыску и преследованию лиц, подделывающих всевозможные пищевые продукты.

Генеральный контролёр сообщил о начатом расследовании. Речь шла о человеке, арестованном накануне в восемь часов вечера по обвинению в преступлении против нравственности. Ночью виновный повесился на собственных подтяжках в арестантской камере полицейского поста.

Ответственность за это самоубийство падала на молодого младшего бригадира. Постовой полицейский пренебрёг обязанностью часто осматривать арестантские камеры, как того требует устав.

Дав эти объяснения, генеральный контролёр удалился.

В свою очередь начальник первого отделения представил префекту несколько докладов. Под конец приёма он попросил установить наблюдение в связи с предстоящим бракосочетанием, во время которого опасались скандальной сцены со стороны бывшей любовницы жениха — либо в мэрии, либо в церкви.

— Кто просит об этом наблюдении?

— Господин Л..., государственный советник, который женится на мадемуазель Т...

— А что это за особа, от которой опасаются скандального вмешательства?

— Замужняя женщина, живущая отдельно от мужа, с которой у господина Л... была мимолётная связь, давно уже прерванная.

— Нужно не допустить этого скандала. Часто ли поступают подобные просьбы?

— Слишком часто.

— А заслуживают ли просители хотя бы того, чтобы их защищали?

— Не всегда. Бывают просьбы об установлении наблюдения, которые можно назвать безнравственными. Иногда речь идёт о людях, соблазнивших и бросивших несчастных девушек, вся вина которых состояла в том, что они были бедны.

— И управление вмешивается, чтобы защитить бракосочетание подобных людей?

— Оно вынуждено это делать из-за угрозы публичного скандала, который, если его предвидели и не предотвратили, стал бы весьма неприятным делом. Впрочем, такие просьбы о наблюдении всегда подаются письменно и представляются вам, и ни одна из них не удовлетворяется без вашего согласия.

Добавлю, что господину Л... не в чем упрекнуть себя по отношению к женщине, желающей расстроить его свадьбу.

Я знаю его лично и уверен, что он неспособен на дурной поступок.

После начальника первого отделения слово собирался взять его коллега — начальник муниципальной полиции, но префект обратился к нему:

— Хорошо ли вёл себя Париж минувшей ночью?

— Сейчас вы сами об этом судите.

И вот отчёт, который он прочёл вслух:

«I округ. — Улица Валуа: попытка убийства шеф-повара мойщиком посуды. Облава на семнадцать бродяг в церкви Сен-Жермен-л'Осеруа.

II округ. — Улица Сент-Фуа: сутенёр избил и ранил девушку из дома терпимости, содержимого госпожой Жирефф.

III округ. — Улица Тампль: сегодня утром, в шесть часов, пятилетнего ребёнка раздавила повозка молочника, лошадь которого неслась галопом».

— Я уже не раз замечал, — сказал префект, — что повозки молочников, мясников и торговцев потрохами обычно ездят слишком быстро. Я желаю, чтобы к возницам этих повозок применялись самые строгие меры.

— Я за этим прослежу, — ответил начальник муниципальной полиции и продолжил чтение.

«IV округ. — Ничего.

V округ. — Ничего».

— Вот два образцовых округа, которые следовало бы по-

ставить всем в пример.

«VI округ. — Улица Месье-ле-Пренс: ночной шум и скандал между студентами из-за девушек».

— Вечно беспокойная молодёжь учебных заведений.

«VII округ. — Авеню Ловендаля: серьёзная драка; двое солдат и одно гражданское лицо получили довольно тяжёлые ранения. Военные власти извещены.

VIII округ. — Кур-ла-Рен: два ареста за публичное нарушение благопристойности.

IX округ. — Бульвар Итальянцев: арест трёх маленьких девочек, занимавшихся попрошайничеством. Они продавали цветы, прикрывая своё попрошайничество видимостью торговли.

X округ. — Набережная Жеммап: попытка самоубийства молодой женщины, бросившейся в канал. Двое городских вытащили её из воды живой и срочно доставили в больницу Сен-Луи».

— Известно ли, что побудило её к этому отчаянному поступку?

— Нищета, — ответил начальник муниципальной полиции.

— Нужно ей помочь.

— Я распорядился провести расследование о её положении и уже завтра прикажу вручить ей от вашего имени сто франков.

— Раз уж речь идёт о добром деле, не откладывайте его

до завтра. Для тех, кто страдает, время тянется долго.

— Будет сделано, как вы желаете.

«XI округ. — Улица Фобур-дю-Тампль: неизвестный на-
нёс удар ножом в руку торговке вином, госпоже Капитон. Ра-
на серьёзная. Предполагают месть.

XII округ. — Авеню Домениль: торговка рыбой несколь-
ко раз ударила подсвечником по голове консьержку, которая
пыталась помешать ей тайно съехать с квартиры. Обвиняе-
мая арестована.

XIII округ. — Бульвар Опиталь: прохожие добились аре-
ста пьяного возницы, который с жестокостью избивал сво-
их лошадей. — Улица Жанны д'Арк: один сутенёр изувечил
другого сутенёра».

— Какого рода увечье?

— Из-за пятнадцатилетней девушки, по профессии тря-
пичницы, два сутенёра, один из которых был любовником
этой девочки, подрались у дверей кабачка.

Обнажённые до пояса, они сперва сцепились врукопаш-
ную.

«Я с тебя шкуру спущу», — говорил один.

«Я с тебя самого шкуру спущу», — отвечал другой...

И кулачные удары посыпались градом.

Увидев, что её любовник начинает уступать, молодая тря-
пичница, наблюдавшая за схваткой, закричала:

«Не утруждайся, милый, откуси-ка ему нос!»

Не успела она произнести эти слова, как её сутенёр одним

укусом оторвал нос своему противнику.

— Вот своеобразный способ пометить врага, чтобы потом его узнать.

А удалось ли схватить этого свирепого драчуна?

— Его тотчас же арестовали и поместили в полицейский пост в распоряжение комиссара полиции.

Начальник муниципальной полиции продолжил чтение:

«XIV округ. — Улица Дагер: смерть молодой женщины от сильного маточного кровотечения, вызванного действиями с целью прерывания беременности.

XV округ. — У Гренельского моста из воды извлечён труп, пролежавший в ней больше месяца.

XVI округ. — Улица Помп: похищение двух нестораемых шкафов из конторы общества „К. Д. и К°“. — Оба шкафа, в которых находились значительные суммы в облигациях и банковских билетах, сорвали с креплений и перевезли на бульвар Ланн, где в четыре часа утра городовые обнаружили их взломанными и пустыми.

XVII округ. — Бульвар Перейр: три ночных нападения. Произошёл обмен револьверными выстрелами. Один из нападавших, по-видимому, ранен. Арестов не было.

XVIII округ. — Улица Маркаде: начало пожара у торговца зерном. Ущерб незначителен.

XIX округ. — Улица Пуэбла: драка с применением ножей между немецкими, итальянскими и французскими рабочими. Двое пострадавших находятся в больнице. Произведе-

ны аресты. Подробный рапорт будет представлен в течение дня».

— Комиссар полиции уже должен был известить меня об этом деле, — сказал начальник кабинета, вошедший к префекту во время чтения отчёта. — Дело касается иностранцев и относится к моей компетенции.

Начальник муниципальной полиции продолжал:

«XX округ. — Кража со взломом у торговца табаком и напитками, заведение которого находится на улице Менильмонтан. Злоумышленники, пока ещё неизвестные, похитили двадцать пять коробок сигар и несколько бутылок ликёров».

Когда чтение отчёта закончилось, префект на мгновение задумался.

— В общем, ночь прошла не так уж плохо! — сказал начальник муниципальной полиции.

— Я так не считаю. Эта ночь представляется мне достаточно богатой всевозможными происшествиями и преступлениями: ночные нападения, покушения на убийство, насильственная смерть, кражи со взломом... Чего же ещё нужно?.. И вдобавок два похищения несгораемых шкафов, пополняющие и без того слишком длинный ряд преступлений подобного рода.

Дерзость злоумышленников больше не знает границ. Они без помех действуют в любой час в домах или на улицах, ничем не тревожимые.

Необходимо во что бы то ни стало положить конец этому

плачевному положению вещей и показать, что муниципальная полиция способна выполнить возложенную на неё задачу.

Если бы непримиримая пресса узнала эти подробности, какой это был бы для неё повод обрушиться на управление и на меня самого!

— И всё же надзор ведётся настолько деятельно, насколько это возможно.

— Во всяком случае, он не приносит результата, — с некоторой горячностью возразил префект. — Эти кражи несгораемых шкафов ставят меня в тупик. Это неслыханная дерзость. Злоумышленники ночью проникают в конторы, срывают с креплений такие тяжёлые предметы, выносят их и взламывают ломami и молотками прямо на улице... Согласитесь, что это уж слишком.

Чем же занимались прошлой ночью городовые XVI округа?

— Их отвлекло от обычного наблюдения одно серьёзное дело, которое не фигурирует в моём общем отчёте и о котором я сейчас вам расскажу.

— Во всяком случае, я желаю, чтобы меня держали в курсе дальнейшего хода дела об этих двух несгораемых шкафах.

— Как только появится что-нибудь новое, я вам сообщу.

— Есть ли у вас число арестов, произведённых со вчерашнего дня?

— За двадцать четыре часа в Депо заключили сто трид-

цать шесть человек: несколько больше обычного среднего числа, составляющего сто двадцать.

Из этих ста тридцати шести арестов четырнадцать приходится на женщин, занимающихся проституцией, состоящих и не состоящих под полицейским надзором.

Кроме того, в специальный лазарет поступили пять человек, страдающих душевным расстройством.

Наконец, в Депо приняли на временный приют троих заблудившихся детей.

— Есть ли у вас какие-нибудь особые происшествия, о которых следует мне доложить?

— У меня имеются два рапорта, заслуживающих вашего внимания.

Вот первый. Он касается молодой особы, которую её бывшая служанка велела арестовать и доставить в полицейский пост на площади Сен-Сюльпис за то, что она была одета в мужской костюм.

— Сейчас не карнавальное время; следовательно, это правонарушение.

— Но не для особы, о которой идёт речь, мадемуазель Иды В..., получившей от вашего предшественника разрешение носить мужскую одежду.

— А чем было вызвано такое разрешение?

— У мадемуазель В... растёт светлая борода, придающая ей вид молодого мужчины. К тому же у неё мужские манеры и даже мужской характер. Она фехтует, охотится и при слу-

чае порой бывает груба со своими слугами. Если не считать этих странностей характера, это весьма порядочная особа. Её родители, которых она не покидала, являются собственниками и живут на улице Сен-Доминик.

Мадемуазель В... решила попросить разрешения одеваться мужчиной из-за непристойных и даже скабрёзных шуток, которые вызывало её появление на улице в одежде своего пола.

— Полагаю, её не оставили под арестом? — спросил префект.

— Её немедленно отпустили, едва она предъявила разрешение.

— Почему бывшая служанка велела её арестовать?

— Из мести.

— Постановление префекта Дюбуа от 7 ноября 1800 года, разрешающее в отдельных особых случаях переодевание в одежду другого пола, предписывает лицам, получившим подобное разрешение, ни под каким предлогом не появляться в своей заимствованной одежде на балах, представлениях и в других открытых для публики местах собраний. Знаете ли вы, соблюдает ли мадемуазель В... это предписание?

— Она ходит только в церковь... а ведь церковь тоже является открытым для публики местом собраний. Таким образом, можно было бы воспользоваться этим нарушением, чтобы отобрать у неё выданное разрешение.

Префект слегка наклонил голову набок — движение, до-

вольно ему свойственное, — и ответил:

— В делах совести я сторонник самой полной свободы. Религиозные убеждения налагают определённые обязанности, среди которых на первом месте стоит посещение церквей. Поэтому я не вижу оснований отнимать у мадемуазель В... предоставленное ей разрешение... и оставляю его в силе.

Какое же теперь другое особое происшествие вы хотели мне сообщить?

— Оно касается дела, случившегося у женщины лёгкого поведения по прозвищу Маниль, которая живёт в роскошном особняке на авеню Эйлау.

В два часа ночи, как раз в то время, когда совершалась кража двух несгораемых шкафов, городовые, обходившие участок перед особняком этой женщины, одновременно слышали женские крики, два выстрела и грохот разбившегося большого зеркала. Они попытались войти в дом, но безуспешно. Тогда один из них отправился известить начальника своего поста и комиссара полиции, в то время как его товарищ остался наблюдать за окрестностями особняка, перед которым стояла частная карета, запряжённая парой лошадей, а кучер её невозмутимо сидел на козлах.

Городовой обратился к кучеру с вопросом, но тот ответил лишь: «Nein, mein Herr», — и никаких других объяснений страж порядка от него не добился.

Дверь особняка приоткрылась, чтобы выпустить двух мо-

лодых людей, один из которых, очень бледный, опирался на другого. Оба сели в карету, которая во весь опор помчалась в сторону Триумфальной арки, так что городской не мог за ней последовать.

Префект полиции молча выслушал этот рассказ.

Начальник муниципальной полиции продолжал:

— Спустя мгновение прибыли офицер полиции, несколько агентов и комиссар полиции, который потребовал, чтобы ему открыли дверь именем закона. Этот чиновник допросил Маниль и домашнюю прислугу особняка.

Из совокупности полученных показаний следует вот что:

Бразилец и мексиканец, пришедшие провести вечер у Маниль, затеяли карточную партию. Они играли в игру под названием «Красная и чёрная».

По ничтожному поводу между ними возник спор, и они принялись бросать друг другу карты в лицо.

Оба были влюблены в Маниль и ревновали её друг к другу, а потому искали повода для ссоры, который и предоставили им карты.

Бразилец воскликнул, погрозив кулаком своему противнику по игре и сопернику в любви:

«Сегодня утром я застал вас с Маниль на месте измены; я простил её, я знаю, что она мне изменяет, я люблю её и жестоко от этого страдаю: сегодня вечером я твёрдо решил больше с вами не встречаться». Затем, отшвырнув диваны и кресла, он быстро выхватил кинжал и метнул его в мекси-

канца. Тот едва успел пригнуться, и оружие, пролетев над его головой, вонзилось в драпировку.

В свою очередь мексиканец выхватил револьвер, сказав противнику: «Надо с этим покончить; этой ночью здесь должен остаться только один из нас».

Выстрелив, он послал первую пулю в большое венецианское зеркало, которое разлетелось на куски; вторая пуля попала бразильцу в левое плечо.

— Настоящая дуэль по-американски, — заметил начальник кабинета.

— Рана бразильца тяжела? — спросил префект.

— Комиссар полиции ещё не успел допросить обоих молодых людей, которые после схватки будто бы помирились. Мне известен адрес бразильца. Это несовершеннолетний по имени Антонио. Уже несколько дней я велел наблюдать за ним по просьбе его матери, вдовы, обладающей многими миллионами, недавно поселившейся в Париже. Она просила меня вмешаться, чтобы вырвать сына из искусных и изощрённых соблазнов Маниль, в которую он безумно влюблён: он хочет либо жениться на ней, либо пустить себе пулю в лоб.

— Маниль — опасная мошенница, известная у нас? — спросил префект.

— На неё имеется несколько незначительных замечаний; но одна сводница, служащая мне осведомительницей, должна прислать её биографию с поучительными подробностями об образе её жизни. Уже сейчас я могу рассказать вам о её фото-

графическом альбоме; он весьма любопытен и содержит собрание портретов её поклонников. На обороте каждого портрета она записывает, насколько щедр был его обладатель.

Это её кассовая книга.

В этом альбоме преобладают иностранцы, составляющие самую солидную часть её клиентуры.

Говорят, будто она тайно принимает у себя одного высокопоставленного французского политического деятеля.

— Ваша сводница-осведомительница проявила сдержанность в своих откровениях, скрыв от вас имя этого человека, которого она знает так же хорошо, как мы с вами, поскольку его портрет помещён в самом начале любовно-финансового альбома Маниль.

— Вижу, что об этой женщине вы осведомлены лучше меня, — ответил начальник муниципальной полиции, с досадой закусив губы, и прибавил:

Однако я всё ещё спрашиваю себя, кто может быть этот человек... таинственный, видимо, только для меня.

— На последнем приёме в Министерстве иностранных дел, — продолжил префект, — вы при мне по-братски пожали руку этому великому дипломату.

Начальник муниципальной полиции с трудом удержался от восклицания. Дипломат, на которого намекал префект, был последним человеком, которого он мог бы заподозрить.

— Есть ли у вас ещё что-нибудь для моего рассмотрения?

— Вот четыре анонимные революционные афиши.

Префект развернул один из листов бумаги.

Это была афиша, напечатанная красными буквами на чёрном фоне. Внизу вместо подписи находился рисунок человеческого черепа, над которым был изображён кинжал.

— В них обращаются к безработным, — продолжил начальник муниципальной полиции; — объявляют войну буржуа и угрожают смертью эксплуататорам пролетариата под клич «Да здравствует Коммуна!»

Эти афиши были обнаружены расклеенными минувшей ночью в XI округе.

Уже в прошлом месяце в том же округе расклеивали рукописные афиши, также анонимные. По-видимому, кто-то хочет вызвать восстание в густонаселённых кварталах, подстрекая рабочих против хозяев и собственников.

Я распорядился установить общее наблюдение, чтобы застать и арестовать расклейщиков.

Начальник кабинета улыбнулся.

— Всё это весьма ловко устроено, — сказал он; — однако авторы этих афиш могли бы, по-моему, заменить череп и кинжал... большой мухой.

— Почему? — живо возразил начальник муниципальной полиции.

— По очень простой причине: эта мнимая попытка поднять восстание представляется мне делом тайных агентов, оказавшихся в затруднительном положении. Они прибегают к приёму некоторых театральных директоров, которые, не

имея успеха, снова ставят «Белую даму» или «Лионского курьера». Сборы обеспечены на несколько дней, и это позволяет подготовить новую пьесу.

— Стало быть, вы не верите в существование заговора? — спросил задетый за живое начальник муниципальной полиции.

— Поверю, когда вы арестуете какого-нибудь расклейщика... да и тогда, если это случится, я опасался бы, как бы нам не пришлось упрекать себя в предварительном заключении какого-нибудь бедняги, которому вложили в руку двадцать су, горшок клея и несколько афиш... лишь затем, чтобы обеспечить ему жильё в Мазасе.

— Мне кажется, вы заходите немного слишком далеко, — язвительно возразил начальник муниципальной полиции.

— Таково моё убеждение, — продолжил начальник кабинета. Рассматривая дело, в котором нагромождены многочисленные, похожие один на другой образцы этих анонимных сочинений, якобы подстрекательских; изучая, с другой стороны, донесения ваших тайных агентов; сравнивая слог, изложение и содержание тех и других, я был поражён их семейным сходством, в котором мне почудилось доказательство самого близкого родства.

Сегодня утром я как раз выразил своё удивление по поводу этого сходства. Канцелярский служащий, только что принёсший мне дело, сказал своим обычным тоном:

«— Видите ли, начальник, все эти сочинения, подписан-

ные... „Кто знает?“... „Молчание“... „Тайна“... вовсе не так таинственны, какими хотят казаться. На мой взгляд, „Тайна“, „Молчание“, „Кто знает!“ — одно и то же лицо, которое вполне могло бы называться „Нуль“».

Если вы желаете, господин префект, положить конец подстрекательским афишам, упраздните секретные фонды, предназначенные для политических осведомителей. Вот где лекарство. Испытайте его, и вы увидите, что сделаете доброе дело, одновременно сэкономив деньги.

Пока начальник кабинета говорил, его коллега из муниципальной полиции с трудом скрывал досаду, которую испытывал; однако он ничего не возражал против высказанных суждений, намереваясь позднее опровергнуть их, доказав безусловную необходимость политических осведомителей.

Он уже собирался заговорить, когда служитель вновь объявил о прибытии начальника первого отделения, у которого, как тот сказал, имелось срочное сообщение.

— Немедленно просите его войти.

— Директор Депо, — сказал, входя, начальник первого отделения, — сообщает мне, что некий неизвестный, заключённый под стражу прошлой ночью по обвинению в карманной краже, утверждает, будто особенно хорошо знаком с вами, и требует разговора с вами; однако он упорно отказывается назвать своё имя и адрес.

— Вероятно, он принадлежит к шайке карманников, трое членов которой уже арестованы, — сказал начальник муницип-

ципальной полиции. Никто из этих людей не захотел назвать своего имени, что довольно обычно среди карманных воров. При аресте все они утверждают, будто приехали в Париж только накануне и не имеют багажа. Цель такого поведения лишь в том, чтобы дать сообщникам возможность скрыться, когда они заметят, что товарищи не вернулись к себе.

Трёх воров, о которых идёт речь, арестовали порознь: первого — возле магазинов «Бон Марше», второго — возле «Лувра», третьего — возле «Прентана».

— Как раз возле магазинов «Прентан» и был арестован неизвестный, о котором идёт речь, — сказал начальник первого отделения.

— Значит, он несомненно состоит в той же шайке, что и остальные трое, — заметил начальник муниципальной полиции.

— У вас есть протокол задержания моего мнимого знакомого? — спросил префект.

— Я только что послал за ним, — ответил начальник первого отделения.

— Кто бы мог быть этот человек? Должно быть, бывший банкир, который, не сумев поправить стоимость бумаг в собственном портфеле, теперь на практике изучает глубину карманов своих прежних клиентов...

Только бы агенты не ошиблись.

— Это невозможно, — ответил начальник муниципальной полиции.

— Почему?

— Потому что у этого неизвестного нашли два кошелька и три носовых платка, помеченных разными инициалами, — верный признак того, что он их украл.

— Откуда вам известны эти подробности?

— От начальника сыскной службы.

— Я уже месяц состою префектом полиции и до сих пор не знаком с этим чиновником.

— Вы видели его на приёме по случаю вашего вступления в должность.

— Возможно; но среди такого множества людей я не сумел его заметить. Почему он не приходит, как вы, с утренним докладом?... Ему мешают многочисленные служебные обязанности?

— Нет, господин префект, — ответил начальник муниципальной полиции. Поскольку чиновник, ведающий сыскной службой, является одним из моих подчинённых, он докладывает о своей работе непосредственно мне. Правила служебной иерархии запрещают ему являться к вам, если вы его не вызвали и я не дал ему разрешения.

— Ах!.. Вы меня удивляете; я не знал этой подробности... да и многого другого, благодарю вас за то, что вы мне её сообщили. В обществе много говорят о начальнике сыскной службы, и я полагал, что характер его тонких обязанностей и лежащая на нём большая ответственность делают его чем-то большим, нежели подчинённым начальника муниципальной

полиции. Недавно один из моих друзей рассказывал мне о нём.

— Чтобы рекомендовать его вам? — поспешно спросил начальник муниципальной полиции.

— Право же, нет.

Затем, повернувшись к своему племяннику, личному секретарю, он прибавил:

— Кстати, дорогой Рене, это твой двоюродный брат говорил мне о начальнике сыскной службы.

— Мой кузен Вальдю, архитектор?

— Нет... комиссионер по торговым делам, которого опять обокрали.

В первом случае он обратился к... начальнику вашей сыскной службы, господин начальник муниципальной полиции, и, по-видимому, остался им очень доволен.

— О да!.. — живо подхватил личный секретарь. Начальник сыскной службы устроил ловушку вору, который похищал деньги из ящика, и его поймали. Уловка, однако, была очень проста: от денежного ящика до личных комнат моего кузена протянули невидимую нить. На конце этой нити был прикреплён колокольчик, который должен был зазвонить, когда откроют ящик. Так и случилось. Услышав «динь-динь», кузен бросился в свою контору и застал консьержку дома за тем, что она шарила в ящике. Увидев его, добрая женщина рухнула в корзину для бумаг, сжимая в руках золотые луидоры... что несколько не помешало ей уверять в

своей невинности.

Дежурный служитель снова вошёл и передал префекту письмо со словами:

— Это срочно, посетитель ждёт ответа.

— Просите войти, — сказал префект, быстро пробежав глазами только что полученное письмо.

Поскольку присутствовавшие чиновники приготовились удалиться, префект добавил:

— Оставайтесь, господа, ибо мне понадобятся ваше содействие и ваш профессиональный опыт.

Особу, о которой мне сообщают, зовут госпожа Х...; её супруг, офицер ордена Почётного легиона, занимающий высокий пост в Министерстве... таинственным образом исчез вчера.

Госпожа Х... вошла вся в слезах и опустилась в кресло, на которое префект указал ей рукой.

— Успокойтесь, сударыня, — сказал он; — мы найдём господина Х..., и я надеюсь, что с ним не произошло ничего дурного.

— Ах, господин префект, да услышит вас Бог, — и рыдания не позволили ей продолжать. Она на мгновение замолчала, вытерла слёзы и заговорила снова:

Я больше не живу... он... такой степенный... такой аккуратный... не имел ни одной дурной привычки... О! Я уверена... У него есть завистники, и он, должно быть, стал жертвой западни.

Недавно он получил два анонимных письма с угрозами поочерёдно провести против него чистку, а затем и уволить, поскольку он ещё не проявлял достаточно горячих республиканских убеждений...

Мой муж мёртв, у меня ужасное предчувствие.

— Он вчера был в своём министерстве?

— Да, сегодня утром я это выяснила; но осторожно, не дав понять, что минувшей ночью он не возвращался домой.

— Он чем-нибудь болел?

— Три месяца назад он жаловался мне на головокружение и, выйдя из своего кабинета, всегда совершал довольно продолжительную прогулку.

— Опишите нам его внешность, — поспешно сказал начальник муниципальной полиции.

— Моему мужу пятьдесят лет, он среднего роста и телосложения, — ответила госпожа Х.... Волосы у него каштановые, коротко остриженные, с проседью, как и борода, которую он носит полной.

Он был одет в чёрные брюки и чёрный сюртук, а на голове у него была высокая шляпа. На его белье вышиты его инициалы. Вот, кстати, его фотография; она недавняя и очень похожая.

— Благодарю вас, сударыня, — сказал начальник муниципальной полиции, удаляясь. Я сейчас же отправлю на поиски лучших агентов моих специальных бригад и надеюсь, что не пройдёт и часа, как я сообщу вам известия о вашем муже.

Префект нажал кнопку электрического звонка, и тотчас появился дежурный служитель.

Префект приказал ему проводить госпожу Х... в маленькую гостиную с серыми драпировками, где она должна была ожидать предвидимого успеха розысков начальника муниципальной полиции.

Поскольку доклад был окончен, генеральный секретарь и начальник кабинета удалились.

После их ухода слово взял начальник первого отделения:
— Я не хотел, — сказал он, — препятствовать усердию моего коллеги из муниципальной полиции, к тому же весьма рьяному, и думаю, что благодаря его деятельности и проныцательности его специальных агентов — политических, скажем прямо — мы вскоре узнаем причины исчезновения господина Х..., что ещё раз докажет полезность нынешнего устройства муниципальной полиции.

Однако... если господин Х..., по следам которого уже устремились несколько агентов, находится совсем близко отсюда?... В этом здании, у вас под рукой, вне всякой опасности?... Не может ли этот неизвестный карманник, который желает говорить только с вами, оказаться тем самым человеком, которого мы ищем?

— Всегда можно это проверить.

— Это тем более полезно, на мой взгляд, что господин начальник муниципальной полиции, убеждённый, будто задержанный — обыкновенный преступник, не подумает им

заняться.

Вы только что говорили, что ещё не знаете начальника сысской службы. Вот вам случай увидеть его, выслушать и составить о нём суждение. Позволите ли вы поручить ему лично привести в ваш кабинет неизвестного, который ссылается на знакомство с вами?

Таким образом, без какого бы то ни было посредника, вы сможете получить объяснения непосредственно от начальника агентов, наблюдавших за этим человеком, заставших его на месте преступления и арестовавших.

— Я могу только одобрить ваше предложение. Сделайте всё необходимое как можно скорее.

Не сходя с места, начальник первого отделения составил записку, которую дал подписать префекту; затем, соблюдая правила административной иерархии, он передал этот документ начальнику муниципальной полиции, который завизировал его, распорядился внести запись в толстый реестр, заведённый для таких случаев, и после этого отправил записку адресату.

Записка предписывала ему немедленно вывести из Депо и без конвоя лично доставить в кабинет префекта человека, заключённого под стражу предыдущей ночью под обозначением «НЕИЗВЕСТНЫЙ».

Приказ был в точности исполнен, и предупреждённый служитель впустил в кабинет префекта начальника сысской службы и его арестанта.

Префект был ошеломлён, узнав господина Х...

Несколько секунд царило неловкое молчание.

Префект нарушил его следующими словами:

— Как, это вы, несчастный?

— Да, несчастный, как вы и говорите, — ответил обвиняемый, поднося к глазам платок; — но я пришёл жаловаться вам.

— Жаловаться... на что?... На кого?..

— На грубое обращение со мной агентов, которые схватили меня за ворот, словно какого-нибудь заурядного преступника.

— Но, согласно протоколу, который лежит у меня перед глазами, при вас нашли кошелёк, который, по вашему собственному признанию, вам не принадлежит. Этот кошелёк был завёрнут в три носовых платка с различными метками, относительно которых вы также признали, что они не ваши. Какие ещё нужны доказательства?

— Этот кошелёк и эти носовые платки втайне от меня сунули в левый карман моего пальто воры, желавшие от них избавиться, или же платный осведомитель ваших агентов устроил мне ловушку.

— Почему вы не заявили протеста перед комиссаром полиции?

— Из страха показаться смешным.

— Что вы делали возле магазинов «Прентан», довольно далеко от министерства и вашего дома?

— Я отправился посмотреть на один туалетный предмет, о котором госпожа Х... давно мечтала и который я хотел преподнести ей в виде сюрприза.

— При вас не было ни бумаг, ни визитных карточек?

— Я никогда их не ношу.

— Неужели у вас не было ни в петлице, ни в карманах даже ленточки офицера Почётного легиона?

— Поскольку утром я переоделся, мне не пришло в голову переложить мою розетку, что, впрочем, со мной бывает довольно часто.

Префект на мгновение задумался; затем, обратившись к начальнику сыскной службы, который невозмутимо присутствовал при разговоре, сказал:

— Можете ли вы, господин начальник сыскной службы, поручиться за людей, арестовавших господина Х...?

— Как за самого себя. Это первоклассные агенты, не способные ни солгать, ни сделать что-либо противное их служебному долгу. Ловкие, осторожные и опытные, они действуют только наверняка, особенно в делах подобного рода, всегда весьма щекотливых. Кроме того, они знают, что произвольный арест повлёт бы за собой их увольнение. Карманников они арестовывают лишь после долгого и терпеливого наблюдения и на основании неоспоримых фактов. За редкими исключениями вещественные доказательства обнаруживаются при задержанных, и именно так обстоит дело с господином Х...

— Но господин Х..., — возразил префект, — как раз утверждает, что улики были подложены ему в карман.

— Эти утверждения нелепы, и я вам это докажу. Я не хотел прерывать господина Х... во время его жалоб; мне было небезынтересно узнать, до какой степени он осмелится дойти в своей дерзости... и я вижу, что в ней у него недостатка нет.

Он жалуется, будто стал жертвой ошибки... в установлении личности, как говорят во Дворце правосудия; он даже намекает, что ваши агенты вполне могут быть сообщниками преступников, поскольку зашёл настолько далеко, что произнёс перед вами слово «платный», значение которого не может не понимать. Он осмеливается утверждать, будто кто-то сунул ему в карман кошелёк и носовые платки? Бесцеремонно поменявшись ролями, он из обвиняемого превращается в обвинителя!.. Посмотрим, станет ли он отстаивать эту версию, когда я расскажу вам о его поступках, которые он полагает известными одному лишь себе.

Господин Х... бросил испуганный взгляд на начальника сыскной службы, который сделал вид, что не заметил его, и продолжал слегка насмешливым тоном:

— Туалетный предмет, столь желанный госпожой Х... и столь долго ею ожидаемый, должно быть, представляет собой настоящую диковину, редкую вещь неоценимой стоимости, ибо уже более трёх месяцев в определённые дни недели и в определённые часы его навещает господин Х... Быть мо-

жет, последний ждёт конца сезона, чтобы получить скидку...

Господин Х..., сделавшийся очень бледным, больше не осмеливался смотреть никому в лицо; по лёгкой дрожи его губ можно было угадать сильное внутреннее волнение, уже окрашенное первыми признаками ужаса. Что же собирается открыть о нём, думал он, этот начальник сыскной службы, который его не знает и которого он сам видит впервые?

— Продолжайте, сударь, — сказал префект своему подчинённому.

Тот продолжал:

— Господин Х... не осмелится отрицать, а в случае надобности ему это докажут, что он принадлежит к числу поклонников магазинов с пышно оформленными витринами. Вид тканей ярких цветов привлекает его; он обращает на себя внимание как своим восхищением выставленными красивыми вещами, так и отсутствием особого желания что-нибудь купить. Кроме того, его видят протискивающимся в группы хорошеньких женщин и лишь изредка приближающимся к тем, кто пользуется духами. Замечают также, что по необъяснимой рассеянности он позволяет своим рукам блуждать по некоторым частям тела этих же молодых женщин, и иногда во время своих... научных странствий его руки нащупывают отверстие кармана и погружаются в него...

— Позвольте... позвольте... я не карманник, — просто-напросто господин Х..., из бледного ставший мертвенно-бледным.

Начальник сыскной службы хотел было возразить, но префект не дал ему времени.

— Я понял, — сказал он; затем, нахмутив брови и повернувшись к арестанту, добавил:

— Карманником по профессии вы не являетесь, но заслуживаете названия одного известного нечистоплотного животного... Мы понимаем друг друга, не так ли?

Господин Х... понимал даже слишком хорошо. Он опустил голову и промолчал.

Префект продолжал:

— Встревоженная, как вы можете себе представить, госпожа Х... обратилась ко мне с просьбой разыскать вас. Она находится здесь, в моих служебных комнатах, и ждёт результатов поисков. Мой секретарь проводит вас к ней. Объясните ей как вам угодно, что она невольно стала причиной вашего заключения; от этого она будет любить вас ещё больше и больше не пожелает так горячо желанного предмета. Это отсутствие в течение одной ночи ещё сильнее увеличит её привязанность к вам.

Как обычно, моё ведомство примет на себя ответственность за ваш якобы произвольный арест и за ошибку, которой оно не совершало. Ваша репутация прекрасного мужа и безупречного чиновника останется незапятнанной, несмотря на ваше пребывание в Депо.

Ступайте, вы свободны.

Господин Х... понял урок. Опустив голову, он вышел

вслед за личным секретарём и отправился к своей жене, которая не ожидала столь скорой встречи с ним.

— По возможности, — сказал префект, когда остался наедине с начальником сыскной службы, — агентам следовало бы избегать арестов... шалунов вроде господина Х... Это может вызвать скандал и нисколько не исправляет нравов людей с подобными отклонениями страсти.

— Я вполне понимаю смысл вашего замечания, но зачастую трудно отличить карманника от... «фроттёра» (так агенты называют людей вроде господина Х...), поскольку в толпе они действуют одинаково. Должен добавить, что некоторые люди, одержимые постыдными страстями, со временем становятся профессиональными карманниками. Они начинают с дамского носового платка, предмета их эротического вожделения; затем принимаются вытаскивать и кошелёк, который нащупывают под этим платком. Спешу сказать, что к господину Х... это не относится.

— Как же вы тогда объясните, — снова спросил префект, — наличие в его кармане кошелька, ему не принадлежавшего?

— Этот кошелёк, должно быть, находился завёрнутым в один из носовых платков, которые он похитил. У многих людей есть привычка заворачивать кошелёк в носовой платок, полагая таким образом уберечь его от воров, и именно этим они ещё больше подвергаются опасности быть обокраденными. Носовой платок не останавливает руку карманника, ко-

торый забирает всё; кошелёк ничуть не смущает и фроттёра, которому нужен лишь платок, но который оставляет себе всё, раз уж всё взял.

Подобно карманникам, люди с подобными отклонениями страсти постоянно посещают большие магазины; они проскальзывают в толпу, и, наблюдая за их движениями, легко принять одних за других.

Единственное, что их различает, состоит в следующем:

Карманник почти всегда действует в сопровождении одного или двух сообщников.

Человек, одержимый подобной страстью, напротив, действует в одиночку, и агентам требуется большой опыт, чтобы не спутать их.

Если бы господин Х... назвал своё имя в комиссариате, его освободили бы, а протокол, составленный в отношении него, тотчас переслали бы вам.

— Я не жалею, что он провёл ночь в Депо, — сказал префект, — это его исправит.

— Не надейтесь на это. Если бы я распорядился следить за ним, не прошло бы и месяца, как его снова арестовали бы при тех же обстоятельствах. Я мог бы привести вам примеры людей, которых за очень короткое время ловили, ловили снова, а они, видя, что их вот-вот опять схватят, пытались добиться ареста самих агентов, указывая на них стражам порядка как на опасных карманников и выдавая себя за служащих сыскной полиции.

— Вот уж поистине верх наглости.

— И заметьте: когда этих людей после первого задержания приводили ко мне, они ползали у моих ног, принося самые священные клятвы никогда больше не начинать.

— Значит, исправить их невозможно?

— Люди, одержимые такими страстями, никогда не исправляются!

— Благодарю вас за сведения, которые вы мне сообщили. Мне ещё о многом предстоит расспросить вас, опираясь на ваш опыт: этим я хочу сказать, что намерен познакомиться с вами ближе и принимать вас как можно чаще.

— Я всегда, в любое время, к вашим услугам.

— О! Я постараюсь как можно меньше отнимать у вас времени. До скорого свидания.

Префект протянул руку своему подчинённому, и тот удалился.

В этот момент личный секретарь вернулся в кабинет, разразившись смехом.

— Послушай, молодой человек, — строго сказал ему дядя; — помни, что на нас здесь лежит тяжёлая ответственность.

— Я не мог удержаться от смеха, — ответил секретарь, — видя растерянный вид господина Х... перед его женой. Насколько он был мрачен, настолько она сияла и не переставала восхвалять начальника муниципальной полиции. Она непременно хотела нанести ему визит. Наконец они ушли

под руку, точно влюблённая пара.

Ты заметил, как начальник сыскной службы поставил господина Х... на место? Его должность, должно быть, далеко не синекура.

— Не думаю, — сказал префект. День и ночь находясь на боевом посту, он должен видеть, слышать, соприкасаться со всеми слоями общества и уметь нигде не оказаться не к месту. Несмотря на скромное положение, отведённое ему в административной иерархии, на нём лежит большая и высокая ответственность. По его собственной ли вине, по вине его начальников или подчинённых, общественное мнение возлагает на него ответственность за преступления и проступки, оставшиеся безнаказанными. Он должен искать, находить виновного и передавать его правосудию. Ты видишь, что здесь есть куда приложить весь ум и всю деятельность человека.

— Но в таком случае, дядя, он должен был бы быть кем-то большим, чем просто подчинённым начальника муниципальной полиции; иметь свободу действий и возможность при необходимости сноситься со всеми комиссарами полиции.

— Нынешняя организация Префектуры полиции не позволяет предоставить ему столь широкие полномочия.

— Если эта организация несовершенна, почему бы её не преобразовать? Теперь тебе это легко; позднее... будет слишком поздно.

— Почему?.. Потому что некоторые вещи кажутся лёгкими в теории и почти невозможными на практике; на каждом шагу сталкиваешься с людьми, самолюбие которых приходится щадить.

— Но мне кажется, что общий интерес должен стоять выше частного.

— Да... так должно быть; но этого нет и, быть может, никогда не будет.

— Мы живём при Республике, самом справедливом и самом честном правлении.

— Республика... это слово. — Нам нужны настоящие и искренние республиканцы, а у нас есть лишь честолюбцы, желающие добиться своего любыми средствами.

— Кстати, дядя, ты обещал мне, что мы подробно осмотрим парижское дно.

— И я сдержу слово, — отвечал префект; — но нам нужно выбрать надёжного проводника.

— Разве начальник сыскной службы не лучший проводник, какого мы могли бы пожелать?

— Да. Только он, как ты слышал, не вполне находится в моём подчинении.

Я не желаю задевать ничьего самолюбия; поэтому наши отношения с начальником сыскной службы должны быть весьма ограниченными. Однако я разрешаю тебе нанести ему несколько незаметных визитов.

— Будь спокоен, я становлюсь благоразумным и не стану

злоупотреблять твоим позволением.

В тот момент, когда префект собирался выйти из кабинета, чтобы позавтракать, он получил следующий рапорт:

Муниципальная полиция

... БРИГАДА РОЗЫСКА

СЛУЖБА

М.

№ ...

Париж,

РАПОРТ

По делу господина Х...

Фотография прилагается

Розыски, начатые едва час назад, увенчались успехом.

Господин Х... умер минувшей ночью от кровоизлияния в мозг в доме терпимости. Поскольку при нём не было никаких документов, комиссар полиции отправил его в морг под обозначением «Неизвестный».

При сем прилагается фотография, предоставленная госпожой Х...

Офицер полиции,

(Подпись неразборчива.)

Под громадным «Просмотрено», начертанным на полях рапорта, стоял росчерк начальника муниципальной полиции и следующая пометка:

«Нужно ли известить вдову?»

Префект полиции добавил:

«Не нужно. — У господина Х..., вероятно, есть двойник, ибо он жив и здоров. — Я видел его и слышал: он выходит из моего кабинета под руку со своей женой».

ГЛАВА II

В сыскной полиции

Кабинеты и посты сыскной службы занимают во Дворце правосудия, на углу набережной Орлож и улицы Арле, шестнадцать небольших помещений, половина из которых расположена на антресольном этаже, а половина на первом, или, точнее, в полуподвале, поскольку с этой стороны первый этаж Дворца находится на метр пятьдесят сантиметров ниже уровня улицы.

Запершись в одной из этих комнат, больше похожей на камеру, чем на кабинет, начальник сыскной службы внимательно просматривал несколько досье, относившихся к одному и тому же человеку, искусному мошеннику, постоянно менявшему имя и личность которого всё ещё не удалось установить.

Это было после полудня, в месяце... Солнце, стоявшее над горизонтом, ещё разливало снаружи мягкий свет; но в кабинет свет уже не проникал сквозь крепкие прутья единственного окна — маленького, квадратного, выходившего на улицу Арле, настоящей тюремной отдушины, из-за которой нельзя было ни читать, ни различать фотографические портреты, разложенные на письменном столе.

Начальник сыскной службы уже собирался позвонить,

чтобы попросить лампу, когда высокий худощавый старик, старейший из агентов, в силу возраста исполнявший обязанности сторожа, стремительно вошёл в комнату.

По его растерянности можно было догадаться, что в службе происходило нечто необычное.

— Господин... господин... — произнёс он, едва дверь закрылась, — здесь молодой человек, который хочет с вами поговорить.

— Но что удивительного в том, что какой-то молодой человек хочет со мной поговорить?

— О! Но это не обыкновенный посетитель!

— Быть может, иностранный принц?

— Больше того. Он говорит, что зовут его господин Рене и что он состоит при личном секретариате префекта полиции. Вы понимаете, личный секретарь префекта... Никогда ещё я не видел, чтобы кто-нибудь из них приходил сюда.

— Ждите и других сюрпризов, мой добрый Фуасси, — сказал начальник сыскной службы, улыбаясь изумлению своего верного подчинённого.

— Префект присылает своего личного секретаря в сыскную службу... Что ни говорите, никак не могу прийти в себя.

— Так знайте же, что наш новый префект обладает исключительным характером. Он молод, деятелен, остроумен и любезен, что тоже не вредит делу. Он не питает неприязни к заслуженным старым служащим. Его влияние велико, и, если нам посчастливится сохранить его, мы можем нако-

нец надеяться на полезные преобразования. Вероятно, одним прекрасным утром он сам сюда придёт.

— Не может быть! — воскликнул старик Фуасси. — Неужели перед смертью мне выпадет честь доложить моему начальнику о приходе самого большого, самого главного Начальника?.. Но сыскная полиция уже не ребёнок... Значит, она наконец станет взрослым человеком!

— Быть может!.. Но впустите господина Рене, он, должно быть, начинает терять терпение.

Подойдя к начальнику сыскной службы, господин Рене сердечно пожал ему руку и спросил, не распорядился ли тот уже своим вечером.

— Не совсем.

— Тем лучше. Мой дядя, который интересуется вашей службой, хотел бы посетить парижское дно; он намерен лично изучить порочный Париж.

— Как нельзя кстати. Сегодня понедельник, следующий за субботой выдачи жалованья; лучшего момента для посещения притонов, где распутные рабочие оставляют свою плату, свой рассудок и своё здоровье, нам не выбрать. Если вечер останется погожим, господин префект не потеряет времени даром.

— И я тоже, потому что не меньше его стремлюсь получить знания. Рассчитывая через несколько лет вступить в дипломатический корпус, я должен вблизи видеть людей и вещи. Знакомство со всеми слоями общества может быть для

меня только полезным.

— Дипломатия прежде была искусством, доведённым до совершенства; однако за последние несколько лет было совершено немало промахов, и будущее принадлежит молодым людям, обладающим тонкостью ума, умом и тактом, необходимыми, чтобы возродить в нашей стране это поприще, пришедшее в упадок вместе с нашим монархическим престижем. Я желаю, господин Рене, чтобы вы оказались одним из таких преобразователей.

— Я сделаю всё возможное, чтобы достичь этой цели.

Господин Рене поднялся, чтобы проститься, и сказал:

— Итак, условились? До вечера!

— В девять часов, на площади Сен-Мишель, перед фонтаном, — ответил начальник сыскной службы, провожая посетителя.

В передней молодой секретарь с изумлением разглядывал низкие, закопчённые потолки.

— Что вас удивляет? — спросил с улыбкой начальник сыскной службы, проследив за его взглядом.

— Но... мне кажется, вы здесь устроены довольно плохо.

— Скажите лучше — ужасно плохо, и будете правы. Послушайте, если хотите, мы быстро осмотрим помещения службы. Молодому человеку, желающему учиться, всё полезно увидеть.

У нас здесь, в антресольном этаже, девять кабинетов. Войдём в первый попавшийся — все они одинаковы. — Посмот-

рите, как низки эти потолки, едва два метра пятьдесят сантиметров. Взгляните на маленькие квадратные окна, пробитые в этих толстых стенах наподобие крепостных бойниц и зарешечённые, как камеры тюрьмы Мазас.

Ни воздуха, ни света — его мало или нет вовсе; газ горит весь день.

Несмотря на тесноту помещения, десять служащих работают здесь без перерыва с девяти часов утра до одиннадцати часов вечера.

Летом, задолго до окончания работы, здесь бывает жара от тридцати до сорока градусов, и, несмотря на открытые двери и окна, воздух не обновляется.

Зимой... о! Зимой это ещё ужаснее!

С шести часов утра, когда служитель начинает убирать кабинеты, и до одиннадцати часов вечера эти три газовые горелки не гаснут ни на минуту, непрерывно пылая при закрытом окне. Когда служащие, уже почти задохнувшись, решаются открыть его, двое из них, находящиеся ближе всего к окну, внезапно переходят от этой сенегальской температуры к температуре наружного воздуха, составляющей от пяти до десяти градусов ниже нуля.

Вернёмся теперь в единственный коридор, совершенно лишённый доступа наружного воздуха, куда выходят все эти каморки, расположенные в ряд, словно мышеловки.

Не находите ли вы большого сходства между этими кабинетами и клетками хищных зверей в Ботаническом саду, с

той только разницей, что звери, хотя их пространство и ограничено, по крайней мере имеют то, чего не хватает здесь, — воздух и свет?

— Это ужасно, — сказал господин Рене.

— Спустимся теперь на первый, полуподвальный этаж. Посмотрите: то же расположение тех же камер и того же коридора.

Когда сюда входит публика, её охватывает леденящий ужас. Эти двери таинственного вида, эти одетые в чёрное агенты, бесшумно передвигающиеся и ведущие ещё более молчаливых и печальных арестантов в глубь тёмного и зловонного коридора, где находятся камеры предварительного заключения, прозванные «виолонами» и напоминающие темницы прежних времён... всё это заставляет посетителей содрогаться от страха.

Общество защиты животных громко потребовало бы применения закона Граммона, если бы вашему дяде и его начальнику муниципальной полиции пришла фантазия держать здесь лошадей или скот.

Все окна снабжены крепкими решётками. В случае мятежа или пожара, если бы единственная дверь оказалась загромождена, ни один агент не спасся бы.

Здесь получаешь предвкушение тюрьмы. Что я говорю?.. Ты уже в ней.

Для убийцы это первая остановка на пути к эшафоту, к камере приговорённого к смертной казни.

— Кем заняты эти помещения нижнего этажа?

— Агентами действующей службы, которые по очереди проводят там двадцать четыре часа. Это свободная часть личного состава, называемая дежурной сменой, готовая выступить днём и ночью; это безоружные охотники, которым поручено наблюдать, отслеживать и ловить вредную, опасную дичь, многочисленные образцы которой вы увидите сегодня вечером во время нашего обхода. И агенты, и преступники постоянно настороже, для них нет ни дня, ни ночи, и год никогда не кончается. Это вечное движение.

Вот камера, куда временно помещают крупных мошенников, биржевиков, неофициальных биржевых маклеров, посредников — всех этих нечистых на руку людей, воротил столь же сомнительных дел, как и они сами, дерзких и самоуверенных особ, которые скромно именуют себя «королями Республики», ибо именно они затевают финансовые предприятия, изобрели «анонимность» — разновидность общества, призванного совершенствовать искусство монополизации и придавать видимость ценности самым диковинным вещам.

Поскольку этих устроителей финансовых операций весьма сомнительного свойства покровительствуют влиятельные лица, суд и полиция медлят отправлять их под стражу, прежде чем доложат о них высшему начальству; а в ожидании министерских распоряжений им назначают небольшое, двадцатичетырёхчасовое пребывание в этой комнате,

где агенты держат их под наблюдением.

Сколько известных людей, ворочавших миллионами, спали на этом узком тюфяке! Внезапно оказавшись из комнаты с мягкой обивкой в этой сырой, голой камере, они, должно быть, предавались невесёлым размышлениям о непрочности взлётов и падений... человеческого рода.

Агенты прозвали это небольшое помещение «Биржевой корзиной».

Именно в кабинетах антресольного этажа хранятся досье, карточки и фотографии преступников, уже разысканных и тех, кого ещё предстоит найти.

Во Франции нет ни одной префектуры первого класса, располагающей столь богатыми архивами подобного рода.

Здесь сосредоточены документы, относящиеся к многочисленному семейству преступников, которое быстро разрастается и, подобно потомству Авраама, расселяется повсюду, образуя то, что мы называем «армией зла».

Для каждого более или менее заметного члена этого тёмного и зловредного семейства, разветвления которого существуют даже здесь, необходимо составить своего рода запись гражданского состояния: происхождение, национальность, характер, жизнь, нравы, привычки. Приходится проводить проверки, разбирать досье, изучать карточки, исследовать фотографии... Как видите, это труд бенедиктинцев, позволяющий установить личность тех, кто ищет всякую возможность заниматься своим преступным промыслом, искусно

эксплуатируя доверчивость, чтобы не сказать человеческую глупость.

Поиск прогресса посредством искусств, литературы и наук куда менее утомителен, чем терпеливое ежедневное очищение общества от вредителей.

— А сколько зарабатывают агенты, которым вы поручаете эту неблагодарную работу?

— Смотря к какому разряду они принадлежат. Разрядов четыре, с жалованьем от 1400 до 1700 франков. Кроме того, они получают 185 франков квартирного пособия и 120 франков на одежду. Таким образом, всё их вознаграждение составляет от 1705 до 2005 франков в год.

— Но, по крайней мере, повышение по службе происходит быстро?

— Чтобы дослужиться до первого разряда, самого малочисленного, требуется в среднем десять лет.

— Сколько времени нужно прослужить, чтобы получить право на пенсию?

— Двадцать пять лет, по истечении которых им назначают пенсию в размере 850 франков, если их жалованье составляло 1700 франков. Пенсионный фонд принадлежит самим служащим, которые отчисляют в него пять процентов своего содержания.

Мало кому из агентов удаётся прослужить необходимые двадцать пять лет. Одни, сочтя службу слишком тяжёлой, уходят после нескольких месяцев испытания, других уволь-

няют за незначительные проступки, а многие умирают на службе от бронхитов, воспалений лёгких и других болезней, приобретённых при исполнении обязанностей.

Кинжал и револьвер воров и убийц опасны для них меньше, чем наблюдение зимой. Нередко случается, что от одного удара кулаком под ложечку у них начинается кровохарканье, и эти незаметные служители медленно угасают, без шума, без известности, по большей части в меблированной комнате или на больничной койке.

— Возвращаются ли тем, кто покидает службу, не отслужив положенного срока, внесённые ими в пенсионный фонд суммы?

— Нет. Они остаются в пенсионном фонде.

Маленькие люди обеспечивают пенсии большим.

— Но раз жалованья агентов недостаточно, чтобы обеспечить им средства к существованию, они, разумеется, должны заниматься какой-нибудь другой работой, чтобы содержать свои семьи?

— Ничуть не бывало. Им запрещено заниматься какой бы то ни было работой вне администрации, и даже их жёнам нельзя быть консьержками.

— Как же можно найти людей для такой службы? — Вот уж поистине справедливо говорят, что, для того чтобы служить в полиции, нужно убить отца и мать.

— Между тем от агентов требуют доказательств честности, добропорядочности и нравственности, каких не всегда

требуют от муниципальных советников, депутатов или сенаторов.

В первые времена существования сыскной полиции служащих набирали из людей с плачевным прошлым и судимостями. Это была большая ошибка.

Её призвание к самоотверженному служению искажалось и ставилось под угрозу привлечением людей, уже осуждённых судом. Отсюда у многих возникло предубеждение, будто между полицейским агентом и преступником существует близость; это предубеждение ещё долго сохранится, хотя система набора служащих была изменена уже полвека назад. В наши дни у агента сыскной полиции не должно быть судимости.

Поверите ли вы? — Вчера я получил письмо с серьёзными, достоверными сведениями о шайке фальшивомонетчиков. Автор письма — человек с собственным делом. Оно было написано на бланке счёта, а на конверте значился следующий адрес:

«Преемнику господина Видока,

улица Иерусалим».

И эта улица, и Видок давно исчезли; но предание о них осталось.

— Ваш торговец хотел пошутить.

— Не думайте. Вызванный ко мне сегодня утром, он подтвердил факты, о которых сообщил в письме.

Возвращаясь к вопросу о наборе служащих, скажу вам, что в кандидатах нет недостатка; но, к сожалению, профессиональные полицейские качества встречаются всё реже, тем более что назначают никогда не самых достойных, а тех, у кого больше рекомендаций. Слишком много внимания уделяют оттенку их политических убеждений и слишком мало — их качествам и способностям.

Кандидата, чей дед был офицером при короле Луи-Филиппе, или другого, чей отец служил чиновником при Наполеоне III, считают роялистом или бонапартистом и отстраняют, каковы бы ни были его заслуги.

Беседуя таким образом, секретарь префекта и начальник сыскальной полиции вышли из служебных помещений и оказались на площади Дофин.

— И в самом деле, — сказал господин Рене в заключение, — существует целый ряд прискорбных обстоятельств, мешающих правильной работе вашей службы; но где же средство?

— О! Средство очень простое: при некоторой доброй воле его легко применить. Нужно лишь уничтожить злоупотребления, порождённые рутиной, — те злоупотребления, с которыми люди оппозиции энергично борются, пока не находятся у власти, но которыми они пользуются и злоупотребляют, едва получают управление в свои руки.

— Вам следовало бы поговорить об этом с моим дядей.

— Я так и намерен поступить, а пока не забудьте о нашей сегодняшней встрече: площадь Сен-Мишель, перед фонта-

ном, ровно в девять часов. Одежда простая, шляпа путешественника... причём путешественника наблюдательного.

— Какова ваша программа на сегодняшний вечер?

— Заранее ничего не могу вам сказать: сами увидите.

ГЛАВА III

Птичка-мушка и Портос

— Куда вы нас ведёте? — спросил префект полиции, подойдя к начальнику сыскной службы.

— Если хотите, мы сначала посетим кабачки, столь же прославленные, сколь и лишённые доброй славы, расположенные в самом сердце Парижа, в нескольких шагах от собора Парижской Богоматери и в пяти минутах от вашего особняка и Дворца правосудия.

— Я думал, вы поведёте нас в отдалённые кварталы, к заставам.

— Незачем ходить так далеко, чтобы изучать нравы парижских подонков. В путанице переулков вокруг площади Мобер мы найдём чем занять наш вечер.

— Вы один. Не опасаетесь ли дурной встречи? Если вас узнают, вы можете стать жертвой мести.

— Не беспокойтесь; я принял меры предосторожности. Посмотрите на этого маленького человека в чёрном сюртуке, возле той двухконной коляски на площади Сен-Андре-дез-Ар: это один из ваших агентов.

— Но, — сказал личный секретарь, — вы рекомендовали нам одеться просто, а своего агента нарядили так, будто он

собирается на свадьбу.

— Этот служащий должен был сегодня вечером отправиться на концерт, предшествующий благотворительной лотерее в пользу бедных; он не успел вернуться домой, чтобы переодеться. Однако не беспокойтесь о его костюме: он нам не слишком помешает. Птичка-мушка — прозвище этого агента — всегда носит под одеждой небольшой набор сменных вещей и преобразается по желанию. Он переодевается в экипаже, под воротами дома, в общественном писсуаре или даже на улице. На ходу, никем не замеченный, он надевает блузу и фартук бочара; его складной цилиндр исчезнет под блузой, уступив место шёлковой фуражке, которой можно придать любые очертания и размеры, свойственные профессиям, за представителей которых он себя выдаёт. Наконец, накладная борода и два сильно выступающих искусственных передних зуба сделают его неузнаваемым даже для самых опытных глаз.

— Значит, Протей из античных мифов рядом с ним просто мальчишка, — смеясь, сказал господин Рене.

— Почему же ваша Птичка-мушка не подходит к нам? — спросил префект.

— Ему приказано приближаться только по моему знаку, если не случится непредвиденного происшествия, которое потребует его немедленного вмешательства; тогда он мгновенно окажется возле нас.

Его роль сегодня вечером совершенно безмолвна. У него в

руках небольшая карточка с записанными местами, где должен останавливаться экипаж, находящийся в нашем распоряжении.

Если мы пройдем мимо экипажа, не садясь в него, он укажет кучеру следующую стоянку.

— Этот экипаж принадлежит администрации?

— Ничуть. Он принадлежит Всеобщей компании.

— Но вы знаете кучера, который им правит?

— Совершенно нет.

— А если в затруднительном положении этот человек обратится против нас?

— Мы можем полностью ему доверять. Господин Биксио, умный директор Всеобщей компании, поручает такие экипажи лишь кучерам, неоднократно доказавшим своё хорошее поведение, честность и исправность. С этой стороны нечего опасаться.

— Птичка-мушка будет сопровождать нас один? — спросил господин Рене.

— С ним ещё один товарищ.

— Я его не вижу, — заметил префект.

— Это тот человек, который сейчас стоит у изменённого выхода с улицы Лирондель, близ остановки омнибусов.

— Этот высокий толстяк, который прохаживается, спокойно покуривая трубку?

— Именно.

— Какой разительный контраст между ним и Птич-

кой-мушкой!

— Этот контраст, столь же резкий по характеру, как и по наружности, составляет силу обоих: они дополняют друг друга и стараются как можно реже расставаться. Портос — прозвище второго агента.

— Раз вы сделали их своими адъютантами, они, должно быть, обладают особыми качествами?

— Невозможно быть одарёнными лучше них; но качества Птички-мушки прямо противоположны качествам его товарища Портоса.

Прозвище Птичка-мушка вполне ему подходит. Подобно этой индийской птице, он мал, проворен и чрезвычайно недоверчив. Его зоркие глаза, всегда насторожённые, помогают ему замечать и распознавать людей и вещи, которых следует искать или избегать. Обладая чрезвычайно живым воображением, большим умом, находчивый при любых обстоятельствах, он проявляет замечательную отвагу в трудных предприятиях. К тому же у него большое сердце, страстная любовь к своему делу и, несмотря на природную живость, терпение рыболова, когда того требует служба. Он удивительно одарён, обладает настоящим чутьём полицейского и предчувствует появление или присутствие преступного сброда.

В двенадцать лет, на фабрике, где его отец был надсмотрщиком, его заподозрили в краже 500 франков; исчезла сумма, предназначенная для выдачи жалованья мастеру.

Возмущённый несправедливыми подозрениями, павшими на него, он поклялся сам обнаружить виновного. Продолжая, по своему обыкновению, играть на фабрике, он стал следить за учеником, которого начал подозревать, и застал его в тот миг, когда тот выкапывал в погребке украденные деньги.

Поражённые рабочие сложились, чтобы подарить ему серебряные часы.

Это был его первый успех и первая награда.

Насколько Птичка-мушка горяч, подвижен, вспыльчив, всегда готов пустить в ход кулаки, настолько Портос спокоен, рассудителен и... молчалив. Обладая геркулесовой силой, он считает трусостью пользоваться ею без крайней необходимости. Если задерживаемый им преступник пытается сопротивляться, он обхватывает его... осторожно и поднимает, как пёрышко, без малейшего насилия. В драке одного его появления достаточно, чтобы восстановить мир. Он невозмутимо разнимает дерущихся, одним движением руки отстраняет противников и выхватывает из свалки того, кто ему нужен. Он никогда не бьёт; он знает и понимает, что не должен давать почувствовать двойную силу, которой располагает как агент и как человек, а за его добродушной наружностью вы могли бы заметить проницательные и опытные глаза. Он не легковверен, и это драгоценное качество.

Несмотря на своё телосложение, требующее обильной пищи, он терпеливо переносит голод и жажду, когда обстоя-

тельства того требуют. Впрочем, это единственная черта, в которой он похож на Птичку-мушку, также отличающегося большой умеренностью.

Ни тот ни другой не затруднятся провести несколько ночей под открытым небом, лёжа на сырой земле и подстерегая свою добычу.

Оба чрезвычайно дисциплинированы и повинуются приказу, никогда его не обсуждая, каким бы тяжёлым он им ни казался.

Портос редко прибегает к гриму: его рост этому мешает. В каком бы костюме он ни появился, его легко узнали бы.

Несколько парижских кюре предлагали ему место... Не улыбайтесь, господин Рене, мне пришлось употребить всё своё влияние, чтобы помешать Портосу надеть расшитый гаунами мундир церковного швейцара.

— Несомненно, он производил бы великолепное впечатление в треуголке, алых коротких штанах, белых чулках, с тростью, увенчанной серебряным набалдашником, в одной руке и алебардой в другой. Добрые богомолки были бы от него без ума.

— Чем занимался Портос до поступления на службу? — спросил префект.

— Он служил у своего двоюродного брата, торговца редкостями, неспособного отличить старинную вещь от современной, но старавшегося непомерными ценами придать художественную ценность старью, загромождавшему его лав-

ку.

Бывший скупщик старья, двоюродный брат Портоса при­ти­зал на славу учёного человека; он охотно и весьма скромно называл себя мэтром антикваров.

Не обладая особыми познаниями в происхождении и из­готовлении произведений искусства и старинной мебели, он придумал для удовлетворения покупателей, а особенно соб­ственного самолюбия, характерную фразу: «Это... это той эпохи».

И повторял её по всякому поводу.

По приказу Портос был тенью и эхом своего двоюродного брата. Одно лишь эхо у него и осталось. При любых обстоя­тельствах, когда ему приходится действовать или говорить, он не может удержаться от заключительных слов: «Это той эпохи».

— Вы сами набираете агентов? — снова спросил префект.

— Увы, нет! Меня даже не спрашивают о способностях и качествах моих будущих сотрудников. Если по случайности рассыльный приводит ко мне такого человека будто бы для испытания, кандидат уже заранее назначен на место; ведь нельзя ни в чём отказать покровителю, чьё имя стоит на за­писке, приколотой к началу личного дела.

— Значит, чтобы стать агентом сыскной полиции, нужны особые качества?

— Они совершенно необходимы, ибо поле его деятельно­сти — улица, а его задача — без всякой нарочитости видеть

всё, оставаясь невидимым.

Хороший агент сыскной полиции должен любить своё дело, знать Париж до мельчайших подробностей, быть преданным начальникам и управлению, иметь достаточно хорошее начальное образование, чтобы ясно излагать свои мысли в рапорте и отчитываться в том, что он сделал.

С точки зрения телосложения агент должен быть среднего роста, скорее низкого, чем высокого, чтобы меньше бросаться в глаза, и крепкого сложения, чтобы выдерживать тяготы службы.

Адонисы были бы в сыскной полиции скорее вредны, чем полезны, однако наружность должна быть приятной, без уродств, шрамов или слишком заметных особых примет. Хорошие глаза, коротко стриженные волосы и короткая борода. Слишком длинная борода придаёт одним лицам сходство с капитаном Фракассом, а в других воскрешает тип старого судебного пристава, ставший легендарным в драмах господина д'Эннери. В случае бунта или борьбы короткие волосы и короткая борода не дают преступникам, всегда готовым за них ухватиться, такой возможности.

Его одежда должна быть чистой, скромной, неброской, причём предпочтительны тёмные цвета. Украшений должно быть мало или вовсе не быть, а трость следует брать только в ночные вылазки, чтобы отгонять собак, слишком настойчиво желающих познакомиться с икрами агентов: во всех прочих случаях она мешает и бесполезна.

Нравственные качества столь же необходимы. Частная жизнь агента должна быть упорядоченной, чтобы он не поддавался всевозможным искушениям, которые ему предлагают; счастлив он, если может свободно исполнять свои обязанности, сохраняя полную независимость от людей, не принадлежащих к управлению!

Необходимо, чтобы агент сыскной полиции был чрезвычайно добросовестен и безусловно честен. Он никогда не должен лгать ни в своих письменных рапортах, ни в показаниях, которым суд доверяет. Дело, в котором истина была бы искажена, может иметь тяжёлые последствия для обвиняемого. Лгать при подобных обстоятельствах всегда малодушие, бесчестие, а нередко даже преступление.

Наконец, он должен обладать тем, что мы называем «ночной храбростью».

— Да ведь вы требуете от меня кандидатов на премию Монтиона; я же признаюсь, что не сумел бы обеспечить набор служащих при указанных вами условиях.

— Я знаю, как трудно встретить столько достоинств и добродетелей в одном человеке; но прошу многого, чтобы получить хоть немного.

— В каком возрасте вы предпочитаете принимать кандидатов?

— Между двадцатью пятью и тридцатью годами.

Назначенный раньше, агент слишком молод, совершенно неопытен и любит развлечения; позднее же он уже приобре-

тает привычки, от которых его трудно отучить.

Как правило, лучшие кандидаты — те, кто выходит с военной службы, где приобрёл чувство долга, привычку к дисциплине, беспрекословному повиновению приказам начальства, качества, редко встречающиеся среди гражданских.

— Я уже убедился, как скромно жалование, выплачиваемое агентам муниципальной полиции; я понимаю, что при наборе служащих начальникам приходится закрывать глаза на некоторые недостатки.

Обязанности агента подчас деликатны, часто трудны и опасны, а исполнять их всегда тяжело, и далеко не всё на этой службе окрашено в розовый цвет; но мы сделаем всё возможное, чтобы улучшить их положение и вместе с тем обеспечить вас превосходными сотрудниками.

— Это самое существенное. Поверьте, хороших кандидатов достаточно, однако муниципальная полиция, которая их отбирает, слишком подвержена постороннему влиянию. Все агенты получают назначение по протекции, а тот, кто рекомендует себя сам, каким бы достойным он ни был, без конца подаёт прошения, затем теряет надежду и забирает свои бумаги, чтобы устроиться на другое место.

— Возможно; но ведь нельзя всегда отказать протекже, которого направляет к вам близкий друг или влиятельное лицо, ручающееся за него...

— Даже ни разу его не видел, — прибавил начальник сыскальной полиции, — ведь этот кандидат часто оказывается

не его собственным протезе, а протезе его лакея, горничной его жены или же его любовницы, и особенно в последнем случае назначение необходимо выхлопотать во что бы то ни стало. Так службы заполняют неисправимыми пьяницами, которых впоследствии приходится увольнять, когда они скомпрометируют управление какой-нибудь из тех нелепых выходов, что время от времени вызывают в печати изрядный скандал; так префектуру полиции (как, впрочем, и другие учреждения) набивают неудачниками и самодовольными кретинами, которых приходится держать двадцать пять — тридцать лет без всякой пользы. Они требуют повышения, причитающегося им по выслуге лет, и тем самым преграждают путь молодым умным служащим, вынужденным работать за двоих.

И что же происходит?

Когда агент, сознающий собственную ценность и заслуги, видит, что его продвижению мешает ничтожество, он падает духом и покидает службу при первой же возможности.

В силу глупого предрассудка общество, верным защитником которого он является, мало ценит жертвы, приносимые агентом сыскной полиции; между тем в торговле и промышленности он, зарабатывая больше, подвергал бы своё здоровье и жизнь меньшей опасности.

— Но как заранее распознать хороших кандидатов? Приходится судить по внешности, а вы знаете не хуже меня, как часто она обманчива.

— Я хотел бы установить для них испытательный срок от шести месяцев до года; в течение этого времени они служили бы помощниками, получая такое же жалованье, как штатные агенты.

За это время начальник службы мог бы оценить их достоинства или непригодность. Он составлял бы о них подробный рапорт, который затем представлялся бы экзаменационной комиссии, уполномоченной окончательно решать вопрос о зачислении кандидатов.

Таким образом, ни один агент не принимался бы на службу без серьёзного испытания.

Такая мера позволила бы набирать только хороших работников; не приходилось бы тратить пять, а иногда и десять лет на то, чтобы они приобрели такт, осторожность, чуткость и быстроту взгляда, необходимые для успеха множества операций.

За этой беседой начальник сыскной полиции провёл префекта и его секретаря по улицам Ша-ки-Пеш, Юшетт, Закари, Сен-Северен, Паршминри, Бутбри и Сен-Жак.

У входа на улицу Галанд все трое на мгновение остановились.

— Сколько же здесь переулков! — сказал префект. — Много ли их ещё?

— Да, на улицах Сен-Жюльен-ле-Повр, Бюшри, Фуарр, Отель-Кольбер, Жасент, Труа-Порт, О-Паве, Англе и в тупике Лавандьер: всё это старые, почтенные улицы, чей ста-

ринный облик составляет разительный контраст с изящными и удобными домами бульваров Сен-Мишель и Сен-Жермен, обступающих их с запада и юга.

Прогулка продолжилась по названным улицам.

Многочисленные пропойцы, шатаясь и находя улицу слишком узкой, то и дело натыкались на троих наблюдателей, хриплым голосом прося прощения с печальной интонацией.

Девицы с непокрытыми головами и красными лентами в волосах, стоявшие у низких дверей, при их приближении складывали губы сердечком и бормотали свой однообразный припев: «Красавчик... милый блондин... сокровище моё... зайди ко мне, я буду ласкова, и...», однако эти многочисленные приглашения к разврату, произносившиеся без всякого убеждения, были скорее следствием привычки, чем надежды. Продажные женщины здешнего дна по одежде и повадкам троих ночных гуляк догадывались, что перед ними любопытствующие, а не охотники за увядшими красотками.

Скользя вдоль стен, появлялись и исчезали, словно тени, подозрительные и зловещие лица.

Выкрики девушек и пьяные выкрутасы очень забавляли господина Рене. Молодой человек, предоставив дяде и начальнику сыскной полиции беседовать, шёл в нескольких шагах позади и с удовольствием немного дурачился.

Несколько бледных уличных оборванцев, проходя мимо, бросили на него взгляды менее нежные, чем взгляды их по-

друг, и его охватило некоторое беспокойство: как он ни оглядывался, нигде не было видно ни Птички-мушки, ни Порто-са, ни затребованного экипажа.

На улице Фуарр его тревога усилилась: в этом уголке кишело множество подозрительных бродяг. Он никогда бы не подумал, что находится всего в ста метрах от бульвара Сен-Жермен.

Подойдя ближе к начальнику сыскной полиции, он торопливо сказал:

— Ваши два первоклассных агента — шутники.

— Почему?

— Потому что вместо того, чтобы идти за нами по пятам, они нас бросили?

— Вы так думаете?..

— Посмотрите сами.

Начальник сыскной полиции слегка улыбнулся и чуть приподнял шляпу, так что никто не заметил этого движения.

Не прошло и десяти секунд, как Портос и Птичка-мушка, причём последний преобразился в торговца бочками, стояли перед ними неподвижно и безмолвно, ожидая приказаний.

Господин Рене остолбенел и крепко пожал им обоим руки, словно прося прощения за свои несправедливые подозрения.

Даже самого префекта заинтриговало внезапное появление двух агентов именно в тот миг, когда в них возникла нужда.

— Какой же сигнал вы им подали, что они тотчас прибежали?

Прежде чем ответить, начальник сыскной полиции снял шляпу и на мгновение поднёс её ко рту. Птичка-мушка и Портос тотчас удалились.

— Теперь я начинаю понимать, — сказал префект, вспомнив первое движение шляпы.

— Женщины, — сказал начальник сыскной полиции, — заставляют говорить цветы, которыми украшают свои платья. Веер и платок играют важную роль в любовной и светской жизни: ими назначают свидание, соглашаются на него или отказывают в нём, причём муж от такого свидания неизменно отстранён. Я же, никогда не носивший ни оружия, ни трости, выбрал складную шляпу из чёрной мериносовой шерсти, чтобы подавать сигнал или отдавать приказ, который не хочу или не могу произнести вслух.

Вы видели, как я приподнял шляпу, — мои люди подошли; я поднёс её ко рту, — они удалились. Складывая её, закрывая или раскрывая, помещая справа или слева, я отдаю различные приказания, которые тотчас понимают и исполняют. Каждое движение указывает, что следует сделать, и большинство случаев предусмотрено.

Как видите, это мой главный помощник, мой рупор, моя полицейская азбука. Она служит мне одновременно телеграфом и телефоном.

Незаметная и надёжная, моя система мало кому известна,

и пользуются ею лишь немногие агенты. Применять её легко, и я могу разнообразить её до бесконечности. От моих людей требуется только внимание и хорошие глаза.

— Это и в самом деле гениально просто.

— Вам ещё представится случай убедиться в этом и оценить, насколько быстра и надёжна моя условная, сокращённая переписка; во всяком случае, она не зависит ни от каких атмосферных явлений.

Полиция должна иметь возможность при необходимости сноситься посредством безмолвных, малозаметных и известных только ей сигналов.

ГЛАВА IV

Кабачки

Несмотря на непрерывные сносы, превращающие старые лачуги в роскошные дома, а прежние узкие и нездоровые улицы — в великолепные проспекты и бульвары, просторные, хорошо продуваемые и осенённые деревьями; несмотря на успехи нашей цивилизации, а может быть, и благодаря ей, Париж, столица мира, всё ещё сохраняет в забытых уголках общественные заведения совершенно своеобразного и характерного облика, будь то по своему устройству или по своей сомнительной публике: настоящие вместилища распутства и порока во всём, что есть самого жалкого в пороке и распутстве, обычные места сборищ ночных гуляк, завсегдатаев окраин, сутенёров самого низкого пошиба и опустившихся людей, ищущих забвения в грубом пьянстве и его

нездоровом смешении всех со всеми.

Один из самых известных и посещаемых кабачков подобного рода находится в доме № 57 по улице Галанд.

Прозванное «Красным замком» или «Гильотиной» из-за наружного фасада, выкрашенного в цвет бычьей крови, это заведение не имеет ни отдельных комнат для занятия проституцией, ни игр, ни девиц, зазывающих посетителей, и тем не менее девиц и женщин здесь хватает.

Занимаясь проституцией за его пределами, они приходят сюда только напиваться, как напиваются здесь мужчины... до того, что валяются под столы.

Остановившись перед огромными воротами для экипажей, служившими входом в кабачок, трое путешественников собирались войти.

— Да ведь это поистине барский въезд, — сказал префект, осматривая широкие ворота и просторный двор перед кабачком. — Посмотрите налево, какая монументальная лестница... А эти арочные окна невероятной высоты... Потом тут и там в стенах — забранные решётками маленькие световые проёмы... Это здание, должно быть, некогда было монастырём...

— Или старинным храмом Любви, — ответил начальник сысской полиции.

— Как это?

— Этот дом когда-то был жилищем герцогини де Бофор, иначе говоря, Габриэль д'Эстре, фаворитки народного коро-

ля, чья статуя стоит на Новом мосту.

— А! Так это бывший особняк возлюбленной Генриха IV! Тогда меня уже не удивляет величественный вид здания.

— Согласно хроникам того времени, смерть этой необыкновенной красавицы смутила умы магистратов, которым было поручено выяснить её причину. Если бы это случилось в наши дни, судебные медики такого уровня, как профессор Бруардель, легко обнаружили бы при вскрытии тела следы злополучного апельсина.

Сад этого особняка уступил место этому зданию, где в общих спальнях живут стекольщики родом из Швейцарии. Это люди степенные и бережливые, живущие сообща, чтобы тратить как можно меньше. Несмотря на скромность заработков, они копят деньги, с которыми через несколько лет возвращаются в свою страну, чтобы купить там клочок земли или заняться торговлей.

Будучи жильцами «Красного замка», эти иностранцы никогда не заходят в питейное заведение, носящее такое название. Они видят порок вблизи, проходят мимо и старательно избегают его.

Следует отдать им должное: швейцарские рабочие трудолюбивы и предприимчивы, воздержанны, кротки нравом; если судить обо всех по тем, кто находится у нас, то кабачки Гельвеции, должно быть, не являются, как в Париже, самыми многолюдными заведениями этой прекрасной страны.

Швейцарская миссия в Париже хорошо это знает: она ни-

когда не колеблется щедро помогать или отправлять на родину тех своих соотечественников, которых превратности жизни порой ставят в затруднительное положение; она уверена, что помогает несчастному, а не человеку дурного поведения.

— Войдём в питейное заведение?

— Разумеется; ведь мы за этим и пришли, — ответил начальник сыскной полиции.

— У вас есть папиросы, господин Рене?

— Право, нет.

— А у меня есть. Люди, которых мы сейчас встретим внутри, будут у вас их просить.

— Мы могли бы захватить несколько хороших буханок хлеба.

— Это ни к чему. Завсегдатаи этого места попросят табаку, крепкого спиртного, но никогда хлеба. Хлеб для них — вопрос совершенно второстепенный.

Войдём, господа.

В этой первой комнате, где находится стойка, нет сидений: они мешали бы обслуживанию; впрочем, посетители не любят пить здесь: они предпочитают устраиваться вон там, слева, в двух залах, украшенных довольно недурными настенными росписями. Помещения просторны, но освещены очень плохо.

Еды здесь не продают; зато служители охотно дают тем, кто приносит пищу с собой, тарелки с отколотыми краями, вилки с недостающими зубцами и ножи с закруглёнными

концами, чтобы уберечь столы и, если разгорится ссора, не дать прорезать лишние «петлицы» в телах, почти утративших всё человеческое.

Заведением управляет приказчик; хозяин почти не показывается, разве что забрать выручку, неизменно обильную.

Всякий, кто здесь напьётся, имеет право проспаться, улёгшись на край стола или под него, по собственному выбору.

Как вы видите, здесь преобладает вино: случилось, что за месяц продавали до ста бочек; но с сокращением работ торговля замедлилась. Теперь продают только одну бочку в день.

Здесь все платят вперёд; напитки отпускают лишь после получения денег. Деньги — в обмен на товар. Так избегают споров.

— Почём продают вино?

— Цена колеблется от 60 до 80 сантимов за литр.

Если художественная и литературная богема избрала своими кружками пивные с женщинами, то «Красный замок» — место встречи низшей, простонародной богемы; это уют, особое прибежище сотни бездельников, занимающихся сомнительными промыслами, которые исправительная полиция не всегда в состоянии определить.

— Хотя их и много, посетители кажутся довольно мирными.

— Ссоры здесь часты; но мы пришли в спокойную минуту. Это позволит нам изучить здешние типы.

— Под лохмотьями этих людей, лица которых покраснели от злоупотребления спиртным, я ещё замечаю у некоторых следы благородства в облике.

— Вы не ошибаетесь; среди них есть люди, получившие образование и даже обладавшие некогда некоторым состоянием, растраченным за игрой и в распутстве.

— Что подать этим господам? — спросил служитель, остановившись перед тремя посетителями.

— Ничего, — сказал господин Рене.

— Ничего! Да это немного, — возразил служитель, не уходя и всё ещё ожидая заказа.

— Принесите нам вишни в водке.

— Так, значит, мы непременно должны что-нибудь заказать? — спросил префект, когда служитель отошёл.

— Это необходимо, чтобы не слишком обращать на себя внимание; но мы не обязаны употреблять то, что закажем; напитки не вернутся на стойку. После нашего ухода за них ещё будут спорить.

Служитель принёс вишни и некоторое время стоял неподвижно, прежде чем поставить на стол три сосуда.

— Дайте сорок пять сантимов, господин Рене, — сказал начальник сыскной полиции.

— Верно. Я уже забыл, что здесь платят вперёд.

В это время в глубине второго зала начался спор.

Господин Рене прошёл туда и оказался лицом к лицу с Птичкой-мушкой и Портосом. Чтобы скоротать время, они

угостили литром вина по шестнадцать су супружескую пару пьяниц.

В благодарность за любезность эти добрые люди пожелали рассказать им печальную историю своей ссылки после Коммуны.

Мужчина уверял, будто, когда в Париже полдень, тамошние часы бьют полночь.

Женщина, напротив, утверждала, что там шесть часов утра.

Отсюда спор, любезные прозвища и угрозы побоями.

Дело грозило принять дурной оборот, ко всеобщему удовольствию зрителей; но Птичка-мушка примирил супругов, убедив обоих, что каждый из них прав.

— В конце третьего стола справа видите этого человека, который читает письмо пьяной женщине? Это бывший нотариальный писец, человек с правильной речью и обширными познаниями, опустившийся в эту дыру из-за укоренившейся привычки к пьянству.

Бродячий писарь, он обходит кабачки, предоставляя за стакан вина свои услуги и знания посетителям.

Именно он составляет прошения о приёме в благотворительные учреждения; при надобности он изготавливает фальшивые бумаги для нищих-капиталистов.

Неоднократно арестованный за пьянство, он всякий раз оказывался с письмами, написанными хорошим слогом и адресованными финансовым воротилам с просьбами о помо-

щи.

Никаких других наказаний, кроме тех, которые навлекали на него частые и обильные возлияния, он никогда не получал.

Соседний стол, за которым сидят две девушки, курящие папиросы, занят уличными торговцами. Они принадлежат к этой непрерывно растущей армии, которая после полудня заполняет улицы, продавая прозрачные карточки и всякого рода другие, более или менее непристойные товары.

Чуть дальше, в заднем зале, собираются газетные крикуны... вернее, газетные зазывалы, разносчики газет, которые на все лады выкрикивают сенсационные новости: вчерашнее преступление..., ночное изнасилование..., сегодняшний скандал... С ЛЮБОПЫТНЫМИ, УЖАСНЫМИ И САМЫМИ ПОСЛЕДНИМИ ПОДРОБНОСТЯМИ.

Рядом с ними, но в меньшем числе, расположились бродячие певцы, тенора сточных канав, баритоны дворов, басы кабачков, с разнообразным репертуаром, охрипшими голосами выводящие натуралистические куплеты и работающие всерьёз только по понедельникам, в это воскресенье рабочих.

Толкнув его локтем, сосед по столу сказал господину Рене:

— Здесь не делают ничего дурного, но всё-таки держатся настороже... знаете ли... к шпикам относятся подозрительно.

— Так вы очень любите этот кабачок?

— Любить его?.. Это моя жизнь... так же, как выпивка — моя любовница... А что до любовниц, у меня их нет и у меня их сотня... Чтобы за них не платить, у меня есть свой приём... Я напиваюсь ровно настолько, чтобы ещё соображать, что делаю, а потом, когда «Замок» закрывается, увожу к себе в меблированную комнату одну из этих женщин, ещё более пьяную, чем я, и не знающую, где лечь спать.

На другой день яставляю её за дверь... Я её больше не знаю... Вот так... таким способом я экономлю деньги на выпивку. Я рассказываю вам, что делаю... Может быть, это и нечестно, но уж я-то не лгун... Здесь меня называют «Ночующий с пьянчужками».

— А какова ваша профессия, помимо этой?

— Кузнец.

— И сколько вы зарабатываете?

— Шесть франков в день.

— Вы могли бы откладывать по несколько су в сберегательную кассу.

— Зачем?.. Лучше я их пропью.

— А когда состаритесь?

— Ну... тогда я уже не буду молод.

— А потом?

— Потом... потом... я не знаю... да и какое вам до этого дело, а?..

И, нахмурившись, пьяный кузнец повернулся к молодому человеку спиной.

— Вон депутат! — провизжал голос у входа в зал. — На-
доел нам этот депутат со своей политикой...

— Как... депутат? — спросил господин Рене.

— Даже не обломок избирательной кампании, — сказал
начальник сыскной полиции. — Это человек, который выда-
ёт себя за вернувшегося из Нумеа. Понаблюдайте за его по-
ведением. Он обопрётся локтями на эту огромную печь: это
его трибуна; он станет говорить, чтобы его угостили выпив-
кой, которую сперва сам же и закажет.

Окинув всех взглядом, новоприбывший начал:

— Граждане!.. Среди нас есть иностранцы; добро пожало-
вать им. Мы все братья... это говорит вам репатриант... репа-
триант, который гордится своими несчастьями. Приглашаю
вас, граждане, разделить со мной вино дружбы... Эй, служи-
тель!.. Два литра вина по шестнадцать су и стаканы, сюда, на
эту печь, которая станет алтарём Братства.

Я не спрашиваю вас, граждане, из Парижа вы, из провин-
ции или из-за границы, но предупреждаю, что я не люблю
аристократов.

Вот вы и здесь... прекрасно... мы оказываем вам госте-
приимство, а вы знаете, что оно священно, за исключением
врагов амнистии.

Я, стоящий перед вами, видел, как Гюстав Марото уми-
рал на каторжной койке... Мы похоронили его без кропиль-
щика (священника). Мне также выпала великая честь знать
Рошфора, этого льва изгнания... вот кто настоящий брат. Он

разделил мою участь... мы вместе ели горький хлеб ссыльных. И при этом нисколько не заносился. Я несколько раз пожимал ему руку. Он любит народ, семью... в Брюсселе он содержал три семейства. Потому-то и говорю вам, граждане: он славный малый. Выпьем за его здоровье, за его будущее избрание, чтобы, придя к власти, он уничтожил всех, кто отверг амнистию... и остальных.

За ваше здоровье, граждане!

Ещё вина, гарсон, и ещё стаканов, чтобы без церемоний чокнуться с товарищами.

— Но, кажется, этот-то вперёд не платит, — заметил господин Рене.

— Нам отпускают в кредит, — ответил начальник сыскной полиции.

— Как это «нам»?.. Ведь заказывает он.

— За наш счёт... расплачиваться придётся нам. А его речь, вы думаете, он произнёс её перед нами даром? Ведь говорил он именно для нас. Если бы мы задержались здесь ещё немного, он сделал бы новые заказы, а платить за них пришлось бы нам.

— Вот это, однако, весьма оригинально.

— Этот человек — очень весёлый пьянчуга; порой он умеет сказать что-нибудь забавное.

— Он извлекает выгоду из своей поездки в Нумеа...

— Где он никогда не бывал. Это мнимый политический мученик.

— Как, разве он не ссыльный?

— Я почти уверен, что он никогда даже моря не видел.

— А! Но тогда это ещё забавнее.

— Ссыльный в наши дни — общественная профессия, из-бавляющая от необходимости работать.

— Известен ли он вашей службе? — спросил префект.

— В сыскной полиции за ним ничего не числится; но в вашем кабинете на него, должно быть, имеется досье.

В эту минуту вошёл гитарист.

— Пойдёмте, — сказал начальник сыскной полиции, за-платив служителю за вино, заказанное депутатом. Если бы мы остались здесь подольше, сообщники, находящиеся в этом зале, предупредили бы, как только что предупредили мнимого ссыльного, целую толпу людей, промышляющих подобным способом, и вы увидели бы, как один за другим появляются папаша Диг-диг-дон, комический певец в тради-ционном белом колпаке, Хромой со своей песней в память о Коммуне, жонглёры с гириями, предсказатели будущего, поэт весёлой нищеты и другие, кого нам пришлось бы угощать.

К великому разочарованию гитариста, посетители вышли из «Красного замка».

По знаку начальника Портос вышел раньше них, а Птич-ка-мушка уже собирался последовать за ними, когда пьяни-ца схватил его за руку и сказал вполголоса:

— Видал, малец, людишек, что отсюда вышли?.. Так вот, честное слово выпивохи, всё это — легавые. О! Уж я-то в

этом разбираюсь, знаешь, парнишка. Впрочем, ты и сам, по виду, ловкий пегрио (вор), так что тоже должен в этом разбираться.

— Мне арнакль (полиция) не страшна, — с улыбкой сказал Птичка-мушка и вышел к экипажу, стоявшему на углу улицы Сен-Жак.

На улице Галанд царило большое оживление.

— В этой улице, — сказал префект, — я нахожу своеобразный характер. Она сохранила очень заметный отпечаток прошлого, старинные особняки превращены в маленькие квартиры рабочих, и внутри, по-видимому, нет недостатка ни в воздухе, ни в пространстве.

— Есть у неё и историческая сторона, — ответил начальник сыскной полиции. Так, в доме № 12 некогда находилась резиденция сообщества плотников и каменщиков. Плотники расселились по разным местам, особенно в Ла-Виллет.

Каменщики, менее подвижные и более многочисленные, распространили своё местожительство на другой берег Сены, в особенности на улицу Отель-де-Виль.

Пьяницы остались.

У входа на улицу Труа-Порт господин Рене, шедший впереди, внезапно отпрянул.

— Посмотрите, — сказал он начальнику сыскной полиции, — на эту женщину в лохмотьях, распростёртую на мостовой. Она без сознания, а может быть, и мертва.

— От голода, — добавил префект.

— Успокойтесь: она всего лишь пьяна, но пьяна до последней степени. Она полностью утратила способность что-либо воспринимать. Кажется, что сама животная жизнь приостановилась. Чувствуете этот тошнотворный запах, который от неё исходит? Это смесь абсента и зловония уличной грязи, обычные духи этой девицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.